

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Толстой Лев Николаевич (1828-1910) — русский писатель, философ, публицист, педагог. Автор знаменитых романов «Война и мир» и «Анна Каренина», а также трагедии «Григорий Мелойский».

Лев Николаевич Толстой

От ней все качества
(Пьесы)

Содержание

#1	0005
Первое действие0006
#1	0006
Явление первое0006
Явление второе0007
Второе действие0023

Лев Николаевич Толстой
От ней все качества

Действующие лица

Старуха Акулина, 70 лет, еще бодрая, степенная, старого завета.

Михайла, ее сын, 35 лет, страстный, самолюбивый, тщеславный, сильный.

Марфа, ее сноха, 32 лет, ворчливая, говорит много и быстро.

Парашка, 10 лет, дочь Марфы и Михайлы.

Десятский Тарас, 50 лет, степенный, говорит медленно, важничает.

Прохожий, 40 лет, вертлявый, худой, говорит значительно. В пьяном виде особенно развязен.

Игнат, 40 лет, балагур, веселый, глупый.

Сосед, 40 лет, суетливый.

Первое действие

Осень. Изба с чуланом.

Явление первое

Старуха Акулина прядет; хозяйка Марфа месит хлебы; девочка Парашка качает люльку.

Марфа. Ох, недоброе чует мое сердце. Чего стоять-то? Не хуже как намедни с дровами ездил. Без малого половину пропил. А все я виновата.

Акулина. Что плохое загадывать. Рано еще. Тоже не ближний свет. Пока что...

Марфа. Где рано. Акимыч вернулся же. А еще позже нашего поехал, а нашего все нет. Мыкаешься, мыкаешься, а только и радости.

Акулина. Акимыч на место ставил, а наш на базаре.

Марфа. Не думалось бы, кабы один. А то с Игнатом поехал. А как с толстомордым кобелем этим, прости господи, сойдется, добра не бывать. Не миновать напьются. День-день-

ской бьешься, бьешься. Все на тебе. Добро бы приждать чего было. А то только и радости, что трепись с утра до ночи.

Явление второе

Отворяется дверь. *Входит десятский Тарас и оборванный прохожий.*

Тарас. Здорово живете. Вот вам постояльца привел.

Прохожий (*кланяется*). Хозяевам мое почтение.

Марфа. Что больно часто к нам ставишь. У нас в середине ночевал. Все к нам да к нам. К Степаниде бы ставил. У них и ребят нет. А я с своими не разберусь. А ты все к нам да к нам.

Тарас. По череду ставим.

Марфа. Ты говоришь – по череду. У меня ребята. Да и хозяина нет.

Тарас. Переночует. Места не пролежит.

Акулина (*к прохожему*). Проходи, садись, гостем будешь.

Прохожий. Приношу благодарность. Покушать бы, если бы можно.

Марфа. Ничего не видамши сейчас и поку-

шать. Что ж, разве по деревне не прошел?

Прохожий (*вздыхает*). По званию своему не привычен я. А так как продохтов своих не имеем...

Акулина встает, достает хлеб, отрезает и подает прохожему.

(Берет хлеб.) Мерси. (Сидит на коннике и жадно ест.)

Тарас. Михайла-то где же?

Марфа. Да в городе. Сено повез. Пора бы вернуться, а все нет. Вот и думается, как бы чего не случилось.

Тарас. Чего же случится?

Марфа. Как чего? Хорошего не увидишь, а худого только и жди. А то как из дома уехал, ему и горюшка мало. Вот и теперь того и жду, что пьяный вернется.

Акулина (*садится за прялку; к Тарасу и указывая на Марфу*). Нет того, чтоб помолчать. Я и то говорю. У нашей сестры обо всем доука.

Марфа. Кабы он один, не думалось бы. А то с Игнатом поехали.

Тарас (усмехается). Ну, Игнат Иваныч точно что насчет выпивки дюже охотлив.

Акулина. Что ж, не видал он Игната? Игнат сам по себе, а он сам по себе.

Марфа. Тебе, матушка, хорошо говорить. А ведь его гульба-то вот где (*показывает на шею*). Пока тверез, грешить не стану, а пьяный – сама знаешь каков. Слова не скажи. Все не так.

Тарас. Да ведь и ваша сестра тоже. Человек выпил. Ну что ж, дай покуражится, выпится, опять все чередом пойдет. А ваша сестра тут-то и перечит.

Марфа. Что хошь делай. Если пьяный, все не по нем.

Тарас. Да ведь все надо понимать. Нашему брату тоже нельзя другой раз не выпить. Ваше дело бабье – домашнее, а нашему брату нельзя – али по делу, али в компании. Ну и выпьет, авось беды нет.

Марфа. Да тебе хорошо говорить, а нашей сестре трудно. Ох, трудно. Кабы вашего брата хоть на недельку бы в нашу должность впрячь. Вы бы не то заговорили. И меси, и пеки, и вари, и пряди, и тки, и скотина, и все де-

ла, и этих голопузых обмыть, одеть, накормить, все на нашей сестре, – а чуть что не по нем, сейчас. Особенно выживши. Ох, жите наше бабье...

Прохожий (*прожевывая*). Это правильно. От ней все качества, значит, все катастрофы жизни от алкогольных напитков.

Тарас. Видно, она-то и тебя с пофей сбила.

Прохожий. Она не она, а тоже и от ней пострадал – кальера жизни моей могла бы совсем иная быть, кабы не она.

Тарас. А на мой разум, если пить ее с умом, вреда от ней нет никакого.

Прохожий. А я так скажу, что в ней такая сила енергии имеется, что она может вполне испортить человека.

Марфа. Я и говорю: ты хлопочи, старайся, и одна тебе утеха, что изругает да изобьет, как собаку.

Прохожий. Мало того. Есть такие люди, субъекты, значит, что вовсе от ней рассудка лишаются и поступки совсем несоответствующие производят. Пока не пьет, что хошь дай ему, ничего чужого не возьмет, а как выпил, что ни попади под руку тащит. И били

сколько, и в тюрьме сидел. Пока не пью, все честно, благородно, а как выпью, как выпьет, значит, субъект этот, сейчас и тащит что попало.

Акулина. А я думаю, все от себе.

Прохожий. В себе-то в себе, пока здоров, а это болезнь такая.

Тарас. Ну уж и болезнь! пробрать бы его как должно, и болесть эта живо прошла бы. Прощайте пока что. (*Уходит.*)

Марфа обтирает руки и хочет уходить.

Акулина (*смотрит на прохожего, видит, что он съел хлеб*). Марфа, а Марфа. Отрежь ему еще.

Марфа. Ну его. Пойти самовар поглядеть. (*Уходит.*)

Акулина встает, идет к столу, вынимает хлеб, отрезает ломоть и дает прохожему.

Прохожий. Мерси. Очень уж аппетит мог возыметь.

Акулина. Из мастеровых будешь?

Прохожий. Я-то? Машинистом был.

Акулина. Что ж, много получал?

Прохожий. И пятьдесят и семьдесят получал.

Акулина. Легкое ли дело. Так как же так сбился?

Прохожий. Сбился? Не я один. Сбился, потому что времена нынче такие, что честному человеку прожить нельзя.

Марфа (*вносит самовар*). О господи. Все нет. Не миновать – пьяный приедет. Чует мое сердце.

Акулина. И впрямь не закутил ли?

Марфа. То-то и оно-то. Одна бьешься, бьешься, и меси, и пеки, и вари, и пряди, и тка, и скотина, все на мне.

В люльке кричит.

Парашка, качай малого-то. Ох, житье наше бабье. А напьется, все нехорошо. Скажи не по нем слово...

Акулина (*заваривает чай*). И чай последний. Наказывала привезти?

Марфа. Как же. Хотел привезть. Привезет

он? Разве станет об доме думать? (Ставит на стол самовар.)

Прохожий отходит от стола.

Акулина. А ты что ж от стола ушел? Чай пить будем.

Прохожий. Приношу благодарность за гостеприимное радушие. (Бросает сигарку и подходит к столу.)

Марфа. Сам-то из каких будешь, из крестьян али еще из каких?

Прохожий. Я, мать, ни из крестьян, ни из дворян. Обоюдоострого сословия.

Марфа. Это к чему же? (Подает ему чашку.)

Прохожий. Мерси. А к тому, что мне отцом польский граф был, а кроме его, еще многие были, и матерей тоже две было. Вообще биография моя затруднительная.

Марфа. Пейте еще. Что ж, в ученье был?

Прохожий. Ученье мое тоже обстоятельное было. В кузню отдала меня не мать, а восприемница. Кузнец, значит, первым моим пердагогом был. И пердагогия его в том за-

ключалась, что бил меня этот самый кузнец так, что не столько по наковальне бил, сколько по несчастной голове моей. Однако, сколько ни бил, не мог лишить меня талантов. Попал потом к слесарю. И тут оценен я был и дошел до дела, первым мастером стал. Знакомства с образованными людьми имел, во фракции находился. Умственную словесность мог усвоить. И жизнь могла быть возвышенная, так как владел талантами аграмадными.

Акулина. Известное дело.

Прохожий. А тут завируха вышла, деспотический гнет народной жизни, и в тюрьму попал, в заключение свободы, значит.

Марфа. За что же?

Прохожий. За права.

Марфа. За какие же это права?

Прохожий. За какие права? А такие права, чтоб буржуй не мог вечно [В подлиннике: верно] праздновать, а трудящийся пролетарий мог получать вознаграждение труда.

Акулина. И насчет земли, значит?

Прохожий. А то как же. Тоже и в аграмарном вопросе.

Акулина. Дал бы господь, царица небес-

ная. Уж больно теснота одолела. Ну, а как же теперь?

Прохожий. Теперь как? теперь я до Москвы. Приду к эксплуататору. Что ж делать, покорюсь, скажу: в какую хошь работу, только возьми.

Акулина. Что ж, пейте еще.

Прохожий. Благодарю – мерси, значит.

Слышен в сенях шум и говор.

Акулина. Вот и Михайла, как раз к чаю.

Марфа (*встает*). Ох, горе мое. С Игнатом. Пьян, значит.

Вваливаются Михайла и Игнат, оба пьяные.

Игнат. Здорово живете? (*Молится на образ.*) А вот мы, едрена палка, как раз к самовару успели. Мы к обедни, ан отпели, мы к обеду, ан отъели, мы в кабак, ан только так. Ха, ха, ха. Вы нам чайку, а мы вам винца. Так, что ль? (*Хохочет.*)

Михайла. Этот щеголь-то отколе? (*Выни-*

мает из-за пазухи бутылку, ставит на стол.)
Давай чашки.

Акулина. Что ж, хорошо съездил?

Игнат. Уж чего, едрена палка, лучше, и попили, и погуляли, и домой привезли.

Михайла (наливает чашки и подвигает матери, а потом и прохожему). Пей и ты.

Прохожий (берет чашку). Приношу чувствительную благодарность. Будьте здоровы. (Выпивает.)

Игнат. Молодчина, как хлобыснул, должно ученый, едрена палка. С голодухи-то, я чай, пожилкам пошла. (Наливает еще.)

Прохожий (пьет, к Михайле и Игнату). Желаю успеха во всех предприятиях.

Акулина (Михайле). Что ж, за дорого продал?

Игнат. Дорого ли не дорого. Все пропили, едрена палка. Правда, Михайла?

Михайла. А то как же. Что ж на них смотреть. В кои-то веки и погулять можно.

Марфа. Что куражишься-то. Хорошего мало. Дома есть нечего, а ты вон что...

Михайла. Марфа! (Угрожающе.)

Марфа. Что Марфа? Знаю, что Марфа. Ах,

не смотрели бы мои глаза, бессовестный.

Михайла. Марфа, смотри!

Марфа. Нечего смотреть, и смотреть не хочу.

Михайла. Разливай вино, подноси гостям.

Марфа. Тьфу, пес лупоглазый, и говорить с тобой не хочу.

Михайла. Не хочешь? Ах ты, шкура собачья. Ты что сказала?

Марфа (*качает люльку. Дети испуганные подходят к ней*). Что сказала? Сказала, не хочу и говорить с тобой, вот и все.

Михайла. Аль забыла? (*Вскакивает из-за стола и бьет ее по голове, сбивает платок*.)
Раз.

Марфа. О-о-о-о! (*Бежит в слезах к двери*.)

Михайла. Не уйдешь, стерва ты этакая... (*Бросается к ней*.)

Прохожий (*вскакивает от стола и хватает Михайлу за руку*). Не имеешь никакого полного права.

Михайла (*останавливается, с удивлением смотрит на прохожего*). Али давно не бит?

Прохожий. Не имеешь полного права женский пол подвергать оскорблениям.

Михайла. Ах ты, сукин сын. А это видал? (*Показывает кулак.*)

Прохожий. Не дозволю над женским полом эксплуатацию производить.

Михайла. Я тебе такую остолбацию задам, что кверху тормашками...

Прохожий. На, бей. Что ж не бьешь? Бей. (*Выставляет лицо.*)

Михайла (*пожимает плечами и разводит руками*). Ну, а как я двину?

Прохожий. Я говорю, бей.

Михайла. Ну и чудак же, посмотрю на тебя. (*Опускает руки и качает головой.*)

Игнат (*к прохожему*). Зараз видно, что дюже до баб охоч, едрена палка.

Прохожий. Я за права стою.

Михайла (*к Марфе, идет к столу, тяжело дыша*). Ну, Марфа, здоровую свечу за него поставь. Кабы не он, избил бы тебя вдребезги.

Марфа. Чего же и приждать от тебя: бейся всю жисть, и пеки, и вари, а как что...

Михайла. Ну буде, буде. (*Подносит прохожему вино.*) Пей. (*К жене.*) А ты что слюни-то распустила. Уж и пошутить нельзя. На деньги, прибери: две трешницы да вот два двугри-

венных.

Акулина. А чай-сахар я приказывала.

Михайла (*достает сверток из кармана и подает жене. Марфа берет деньги и, уходит в чулан, молча оправляя платок*). Бестолковое это бабье сословие. (*Опять подает прохожему.*) На, пей.

Прохожий (*не пьет.*) Пейте сами.

Михайла. Ну, будет ломаться.

Прохожий (*пьет.*) Будьте благополучны.

Игнат (*к прохожему*). А видал ты, я чай, виды. Ох хороша на тебе бонжурка. Хформенная бонжурка, и где ты такую достал. (*Показывает на его оборванную куртку.*) Ты ее не оправляй, она и так хороша. В годочках она, значит, ну да что ж делать? Кабы у меня такая же была, и меня бы бабы любили. (*К Марфе.*) Верно говорю?

Акулина. Напрасно это, Агеич, что, ничего не видавши, человека на смех поднимать.

Прохожий. Потому необразованность.

Игнат. Я ведь любя. Пей. (*Подносит.*)

Прохожий пьет.

Акулина. Сам говорил, что от ней качества все, и в тюрьме из-за ней сидел.

Михайла. По каким же делам сидел?

Прохожий (очень захмелевший). За экспроприацию страдал.

Михайла. Это как же?

Прохожий. А так что пришли к нему, к толстопузому. Давай, говорим, деньги. А то вот: ливольвер. Он туды, сюды. Вынул две тысячи триста рублей.

Акулина. О господи.

Прохожий. Мы только хотели, как должно, распорядиться суммой, Зембриков руководствовал. Налетели... эти воронья. Сейчас под стражу в тюрьму заключили.

Игнат. И денежки отобрали?

Прохожий. Известно. Да только не могли они меня обвинить. Прокурор на суде мне такое слово сказал: вы, говорит, украли деньги. А я сейчас ему в ответ: крадут воры, я говорю. А мы для партии экспроприацию совершили. Так он и не мог мне ответа дать. Туды, сюды, ничего не мог ответить. Ведите, говорит, его в тюрьму, значит в заточение свободной жизни.

Игнат (к Михайле). И ловок же, сукин сын. Молодчина. (Подает прохожему.) Пей, едрена палка.

Акулина. Тьфу, нехорошо говоришь ты.

Игнат. Я, бабушка, это не поматершинно, а только так, поговорка у меня: едрена палка, едрена палка. Будь здорова, бабушка.

Марфа приходит, стоя у стола, разливает чай.

Михайла. Вот и хорошо. А то что, обижаться. Я говорю. Спасибо ему. Я тебя, Марфа, во как уважаю. (К прохожему.) Ты что думаешь? (Обнимает Марфу.) Я мою старуху так уважаю, во как уважаю. Старуха моя, одно слово, первый сорт. Я ее ни на кого не променяю.

Игнат. Вот и хорошо. Бабушка Акулина. Пей. Я угощаю.

Прохожий. Что значит сила энергии. То все в меланхолии находились, а теперь одна приятность. Дружеское расположение. Бабушка, я любовь имею к тебе и ко всем людям. Братцы миленькие. (Поет революционную песню.)

Михайла. Уж дюже разобрало его – с голо-
духи-то.

Занавес

Второе действие

Та же хата. Утро. Марфа и Акулина. Хозяин спит.

Марфа (*берет топор*). Пойти дров нарубить.

Акулина (*с ведром*). Избил бы он тебя вчера, кабы не энтот. А не видать его. Аль ушел? Должно, ушел.

Уходят одна за другой.

Михайла (*слезает с печи*). Вишь ты, солнышко-то уж высоко. (*Встает, обувается*.) Видно, за водой с старухой ушли. Болит, голова болит. Да не стану. Ну ее к чертям. (*Молится богу, умывается*.) Пойти запрягать.

Входит с дровами Марфа.

Марфа. А вчерашний побирушка? Аль ушел?

Михайла. Должно, ушел, не видать.

Марфа. Ну и бог с ним. А человек, видно,

умный.

Михайла. За тебя заступился.

Марфа. Чего мне.

Михайла одевается.

А чай-сахар вчерашние ты прибрал, что
ль?

Михайла. Я чаял, ты взяла.

Входит Акулина с ведром.

Марфа (к старухе). Матушка, не ты взяла
покупку?

Акулина. И знать не знаю.

Михайла. Вечор я на окно положил.

Акулина. И я видела.

Марфа. Где же ему быть? (Ищут.)

Акулина. Вишь ты грех какой.

Входит сосед.

Сосед. Что же, Тихоныч, по дрова едем, что
ли.

Михайла. А то как же. Зараз запрягу. Да,

вишь, пропажа у нас.

Сосед. Вот как, что же такое?

Марфа. Да вот хозяин вечер покупку привез из города: чай-сахар, положил тут на окно. Мне невдомек прибрать. Глядь – нынче нет.

Михайла. Грешим на прохожего, ночевал.

Сосед. Какой прохожий?

Марфа. Такой из себя худощавый, безбородый.

Михайла. Пиджачишка в лохмотьях.

Сосед. Кучерявый, нос с горбинкой?

Михайла. Ну да.

Сосед. Сейчас повстречал. Подивился, что дюже шибко шагает.

Михайла. Скорей всего он. Далече встрел?

Сосед. За мост еще, я чай, не вышел.

Михайла (*хватает шапку и быстро уходит с соседом*), Догнать надо. Вишь, шельмец. Он это.

Марфа. Ох, грехи, грехи. Не миновать, что он.

Акулина. А как не он. Так-то раз, годов двадцать тому было, так же сказали на человека, что лошадь увел. Собрался народ. Тот говорит,

сам видел, как он обротывал, тот говорит, что видел, как он повел ее. А лошадь пегая, дядина, заметная. Собрался народ, стали искать. Попался им в лесу тот самый парень. Ты, говорят. Он говорит: знать не знаю, ведать не ведаю. Поклянись, говорят. Клянется, божится, что не он. Что, говорят, смотреть на него. Бабы верно сказывали, что он. Что-то сказал он грубое. Егор Лапушкин, помер он. Горячий мужик был, развернулся, ни кстя ни моля, бац его в морду, ты, говорит, вдарил раз, набросились все, стали бить успятками, кулаками, добили до смерти. Что же думаешь? На другой неделе нашли настоящего вора, а этот вовсе не вор, только в лесу хотел дерево облюбовать.

Марфа. Известное дело, как бы не согрешили. Хоть он и в низкой степени, а человек, видно, хороший.

Акулина. Да уж больно опустился. И взыскать с такого нечего.

Марфа. Вот галдят. Ведут, видно.

В горницу входят Михайла, сосед и еще старик и парень. Вперед себя вталкивают вче-

рашнего прохожего.

Михайла (*держит в руках чай-сахар, к жене*). У него в штанах и нашли. Воришка, сукин сын.

Акулина (*к Марфе*). Он и есть – сердешный, и голову повесил.

Марфа. Это он вечор, видно, о себе говорил, что как выпьет, так и тацит что попало.

Прохожий (*в волнении*). Я не вор, я экспроприатор. Я деятель и должен жить. Вы понять не можете, что хотите делайте.

Сосед. К старосте али прямо к уряднику?

Прохожий. Говорю, что хотите делайте. Я ничего не боюсь и могу пострадать за убеждения. Кабы вы были люди образованные, вы бы могли понимать...

Марфа (*мужу*). А бог бы с ним. Покупку вернули. Пустить бы его без греха... Пущай идет.

Михайла (*повторяет слова жены*). Без греха... пущай идет. (*Задумывается. Строго к жене.*) «Пущай идет». Спасибо, научила. Без тебя не знаем, что делать.

Марфа. Жалко его, сердечного.

Михайла. Жалко! Поучи, поучи, без тебя не знаем, что делать. То-то дура. «Пущай идет». Идет-то идет, да ему слово сказать надо, чтоб он почувствовал. (*К прохожему.*) Так слушай ты, мусью, что я тебе сказать хочу. Хоть и в низком ты положении, а сделал ты дюже плохо, дюже плохо. Другой бы тебе за это бока намял да еще и к уряднику свел, а я тебе вот что скажу: сделал ты плохо, хуже не надо. Только уж больно в низком ты положении, и не хочу я тебя обидеть. (*Устанавливается. Все молчат. Торжественно.*) Иди с богом да впредь так не делай. (*Оглядывается на жену.*) А ты меня учить хочешь.

Сосед. Напрасно, Михайла. Ох, напрасно, повадишь их.

Михайла (*все держит в руке попку*). Напрасно так напрасно, мое дело. (*К жене.*) А ты меня учить хочешь. (*Останавливается, глядя на попку, и решительно подает ее прохожему, оглядываясь на жену.*) Бери и это, дорогой чаю попьешь. (*К жене.*) А ты меня учить хочешь. Иди, сказано, иди. Растабарывать нечего.

Прохожий (*берет попку. Молчание*). Ты

думаешь, я не понимаю... (*Голос дрожит.*) Я в полном смысле понимаю. Избил бы ты меня, как собаку, мне бы легче было. Разве я не понимаю, кто я. Подлец я, дегенерат, значит. Прости Христа ради. (*Бросает на стол чай-сахар и, всхлипывая, быстро уходит.*)

Сосед. Аж заплакал, сердешный.

Михайла (*жене*). А ты меня учить хочешь.

Акулина. Тоже человек был.

Марфа. Спасибо чай не унес, а то бы и на заварку не было.

Занавес